

кой, как сии простые, глухие и негодные люди». ¹² Слуги поддакивали маленькой госпоже.

Тогда выступила на сцену наставница, устами которой говорил автор: «Сии простые и замаранные люди такие же точно, как и ты, принцесса! А что касается до того, что вы лучший вид имеете, нежели они, сему не вы причиною, любезное мое дитя! И так не гордитесь сим. <...> Если бы ты, принцесса, выросла между свиньями, то, клянусь тебе, что ты была бы поросенком. Если бы, напротив того, батюшке вашему угодно было вместо вас принять простую девку <...> и воспитывать ее столь же рачительно и с таким попечением, как вас, то сии простые отвратительные и глухие девки были бы столь знатны, разумны и пригожи, как вы». ¹³

Шлёцер не отрицал воздействия на человеческий характер климата, природы, одежды, пищи. Но, сын рационалистического века, он больше всего верил в воздействие просвещения и воспитания. На эту тему на страницах книжки рассыпано немало изречений: «Только общение с разумными существами делает ребенка разумным», «Просвещение столь прилипчато, как язва и оспа», «Когда старые люди — воры и разбойники, то будут красть и дети», «Просвещение или варварство зависит единственно от воспитания». Заглядывая в будущее, автор большое место отводил просветительской роли учителя.

Последние главы книги посвящались политическим и социальным вопросам. Среди них центральное место занимала проблема общественного договора. Шлёцер представлял сложность ее для понимания ребенка. Он попытался и здесь найти ниточку, ведущую от детского опыта к научному понятию. Подход велся издалека: «Где много детей вместе, там бывает ссора; где много взрослых, там также заводится ссора в продолжении времени. К первым является папа с розгою, и мир водворяется. Но если подерутся между собою большие люди, целые семейства с семействами, десять семейств на одной стороне с десятью семействами на другой стороне, кто может водворить мир? Никто!». ¹⁴ Бывали случаи, когда находился «честный человек», который приходил их мирить, «но что помогут одни слова»? Выход был только один — организация государства, без которого человечество не могло расти и развиваться. Девяносто девять человек из ста должны были избрать из своей среды «честнейшего человека» и сделать его «могучим судьей», т. е. правителем над собой.

Между будущим правителем и гражданами завязывался долгий разговор. Читая его, мы как бы окунаемся в мир детства. Здесь, как и везде, Шлёцер старался держаться на уровне детских представлений. Финал разговора характерен для всего этого забавного по приемам и серьезного по мысли диалога.

¹² Там же, с. 33.

¹³ Там же, с. 33—34.

¹⁴ Введение во всеобщую историю для детей, ч. 1, с. 63.